
Валерий СКОБЛО

* * *

Безначального Хаоса слуги —
ЖКС, Бриарей, Эфиальт —
Все кругом раскопали в округе.
Чем мешал еще крепкий асфальт?

Как хозяин их, дики и грубы,
Чей услышали грязный навет?
Извлекли проржавевшие трубы,
Сотни лет не выдавшие свет.

Отключили и воду из крана,
И тепло... Ты возьми с них отчет!
Все копают они неустанно —
Видно, Тартар родимый влечет.

* * *

Я в жарком мареве стоял, потупив очи,
На пике мироздания... самом дне,
У Западной стены... Восточной нет и прочих,
Не ощущая Бога в вышине.

Я был растерян. Рассуждая здраво,
Тут не решишь: вершина или дно.
О чем просил?.. Оставим это, право.
Не на вербальном уровне. Смешно.

Валерий Скобло — поэт, прозаик, публицист. Родился в Ленинграде в 1947 году. Окончил матмех ЛГУ. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту», «Записки вашего современника», «О воде и воле», «За тайной печатью». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной (Англия, Беларусь, Болгария, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Канада, Казахстан, США, Финляндия, Эстония и др.) литературной периодике. Основные публикации последних лет в журналах «Арион», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпозиция», «Крещатик», «Литературная газета», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», «Сибирские огни», «Слово\Word», «Урал» и многих других. Стихи для детей — в журналах «Костер» и «Чиж и Еж», переводы — в журналах «Таллинн» и «Иные берега». Лауреат премии им. Анны Ахматовой (2012), финалист международных конкурсов стихотворного перевода «С севера на восток» (2013 и 2016), дипломант литературной премии им. А. А. Ахматовой (2015). Живет в Санкт-Петербурге.

Не знал, где я и сколько мне осталось...
Дохнуло ветерком — и что он смог принести:
Любовь, и милосердие, и жалость...
Как будто бы Он в этом мире есть.

* * *

Из семидесяти лет богоборческой дьявольской власти
Сорок я хватил — натурально, мон шер, повезло.
Монпансье я вкусил, и «помадку», и прочие сласти.
Алый галстук на шее вязал пионерским узлом.

Утром слушал, как встану, по радио вечную «Зорьку».
Удивлялся, что в школе не так, как в газете, порой.
Если дома ругали за редкую, в общем-то, двойку,
Думал: Родину предал... мне место в могиле сырой.

Я от «Ленинских искр» так балдел, октябренком читая,
«Пионерскую правду» в сортир отнести б не посмел.
Я за негров Америки и за рабочих Китая
Просто душу отдал... если б верил в нее и имел.

Но — уж что хорошо — пусть и было на свете всех краше,
Не мечтаю вернуть и не ставлю детишкам в пример.
Провались оно пропадом, детство счастливое наше.
Вот что значит — свезло, привалило мне счастье, мон шер.

ОТРЫВОК ИЗ ДРЕВНЕЙ РУКОПИСИ

...Срединный путь пройдет среди земель
Людей плешивых и собакоглавых.
Он в этой части несколько недель
Займет в местах, где левых нет и правых.

Затем увидишь, как Аллах акбар
И Шамбалу в сияющей лазури,
Всю медную, как тульский самовар,
Махатм, снующих взад-вперед, до дури.

Ты проклянешь сто раз срединный путь:
Все чуждо... все не кажется знакомым.
А встретишь Одиссея, не забудь
Спросить про спор Афины с Посейдоном.

Потом узришь неимоверный свет,
Увидишь горних ангелов в эфире.

...Но непонятно, кто во что одет,
И не Платон поведает о пире.

* * *

С возрастом — это обычно... я уже так привык —
Вслушиваешься в речь, это вроде такой отмычки,
Поскольку понял: Человек — это его язык,
А не характер, склонности, внешность или привычки.

Все обороты словесные больше мне говорят,
Чем созерцанье субъекта в развитии плавном.
Если внимательно вслушаться... если поставить в ряд...
Просто уверен, что не ошибаюсь я в главном.

Так надоело настойчиво вглядываться в себя
Или других — все равно, мне-то, по крайней мере,
Что перестал навсегда я, память свою теребя,
Переживать снова ошибки свои... потери.

Кто-то, кто кажется, прожил многие тысячи лет,
Мной узнаваемый в каждом обличье новом,
Один из тех нескольких, слушающих мой полубред,
Рядом стоит. Не умею назвать его словом.

Некто, отрабатывающий на мне приемы ушу,
Разнообразящий жизнь мою, скрытый под маской...
Этот. Тот, кому интересно то, что я напишу,
Снова толкает под руку,
Но никогда не унижает подсказкой.

* * *

Долго живу, и совсем не проходит сплин
И ощущение, что жил и живу убого.
Я сочиняю, как древний степной акын,
Лишь, о чем вижу, но вижу совсем немного.

Только об этом замшелом, земном пою.
А о небесном — ни зрения нет, ни слуха.
Я позабыл бы про горькую жизнь свою,
Но о другом не умею. Пробовал... глухо.

Ну, не дано. И о чем говорить? Прости.
Все же раскаянья нету во мне и страха.
Все, что обрел я, так и сжимаю в горсти —
Горсточку праха земного... ветхого праха.

...ЧТОБ Я ТЕПЕРЬ ИХ ПРЕДАЛ?!

Слезами залит весь мир безбрежный... —
Как точно! — вот именно что слезами.
И сколько страждущих с напором прежним
С погибельной темы бы не слезали.

С ног отринем прах старого мира —
Мы с детства все помнили это... знали.
Про гром святой мести, царя-вампира,
Про злого деспота в роскошном зале.

Мы кровью купим детишек счастье,
Пусть злобно шевелится враг во мраке...
Мечь супостатам! Порвать их на части!
Пускай подохнут они, как собаки!

Что называется: смерть тиранам!
И шагом железным по всем дорогам
Несут легионы бойцов по странам
Мир хижинам и погибель чертогам!

...А ведь когда-то, во время оно,
Была же во всем этом капля правды...
И вторя словам моим, в такт синхронно
Мне слушатель шепчет: «О, как же прав ты,

Настанет царство добра и света,
Когда мы восстанем с тобой из плена...»
Изменилась сильно с тех пор планета —
Как же осталась она неизменна!

Не больше нынче земли и воли,
Людей из мрамора, людей из стали...
Но все ж разночинцы не для того ли
Сто пар башмаков своих истоптали?